

Булгарский Вилаят накануне образования Казанского ханства:

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗВЕСТНЫЕ проблемы*

Казанское ханство образовалось в процессе раздробления социально-политического организма Золотой Орды на основе земель булгарских княжеств (эмиратов)¹, центральным из которых было владение со столицей в г. Болгаре, после походов Тимура переместившейся в г. Казань (очевидно, в Старую Казань — Иске Казан). Из-за состояния источников на сегодня точные границы этих княжеств, как и их статус в период распада Улуса Джучи, остаются окончательно не установленными. Тем не менее из ряда русских летописей, описывающих поход начала 1399 г. московских войск во главе с Юрием Дмитриевичем «на Казань», когда русские «взяша градъ Болгары, и Жукотинъ, и Казань, и Кеременчюхъ, и иных много градовъ», объединенных летописцем в конкретную «землю»², достаточно ясно видно, что к ней, т. е. к Болгарскому владению Улуса Джучи, относились те территории, ко-

торые основными центрами имели четыре перечисленных города.

Судя по отрывочным сведениям русских летописей, эта «земля Болгарская», т. е. территория бывшей Волжской Булгарии, имела какую-то внутреннюю административно-территориальную структуру, ибо в источниках упоминаются представители двух самостоятельных политических центров — князя джукетауские и князя болгарские (казанские). Нельзя исключать того, что это двучастное деление отражает традиционное тюрко-татарское деление данного владения на правое и левое крылья³, реально, скорее всего, связанное с системой четырех карача-беков. В частности, в «Дафтар-и Чингиз-наме» (XVII в.) есть рассказ о казни в период покорения Тимуром Болгара многих «великих беков», четверо из которых считались «самыми старшими» (олуг биклър)⁴. Показательно, что эти четверо в некоторых татар-

* В связи с отсутствием точных данных о статусе бывших территорий Волжской Булгарии в составе Золотой Орды термин «вилаят», примененный в заголовке, является условным. Поэтому в тексте в качестве его синонима используется понятие «владение».

ских хрониках именуются «шахзаде», т. е. сыновьями «шаха»⁵. В данном случае, видимо, подразумевается их принадлежность со стороны матерей к «Золотому роду» — чингисидам, так как из источников хорошо известно, что в период Золотой Орды карача-беки женились на дочерях ханов. Вряд ли случайно и то, что в конце XIV в. на этой территории упоминаются именно четыре городских центра (Болгары, Джуке-тау, Казань, Кирменчик). Это сообщество знати из 124 человек, упоминаемое в связи с походом Тимура, напоминает другую аналогичную корпорацию знати, характерную, например, для «вилайата Чимги-Тура» в 1429/1430 г., когда в его политическом центре — г. Тара (Тура, т. е. Чимги-Тура) — были отмечены «хаким» с титулом бек из клана Буркут и еще один бий из того же кланового подразделения «со всеми эмирами, вождями и прочими военачальниками»⁶. В Крыму наблюдалась схожая ситуация. Согласно хронике М. Стрыйковского, при вторичном призвании «на царство» Хаджи-Гирея в 1443 г. в «Перекопскую Орду» основную роль сыграли «татары барынские и ширинские»⁷, т. е. тут мы также видим определенное двучастное клановое сообщество, связанное с делением на два крыла, которое на самом деле отражало систему четырех карача-беков, выступавшую структурообразующим элементом в «Крымском тумене».

Несмотря на то что на основе приведенных данных можно предположить существование в «земле Болгарской», постепенно превращавшейся в «землю Казанскую», внутренней административной структуры из иерархически соподчиненных феодальных владений, принадлежавших конкретным золотоордынским — татарским кланам, установление их состава в период, предшествовавший образованию Казанского ханства, сильно затруднено из-за состояния источников. Тем не менее на основе нового прочтения уже известных источников, а также использования ранее не известных материалов, можно попытаться разобраться в этом вопросе.

Согласно ряду татарских хроник («летописей»)⁸, при взятии Тимуром г. Болгара были спасены два сына «хана» Габдуллы — Алтын-бек и

Галим-бек, переправленные в конечном счете в «крепость Казань», где через пять лет четырнадцатилетний Алтын-бек был «посажен на трон»* (тәхеткә кичерделәр)⁹. Далее в хронике, названной «Фи бейан-и тарих», есть примечательная фраза: «Алтын бик, Галим бик оругларындын Кырымда һәм бар ирмеш. Ул сәбәбдин һәр заман хан кирәк булса, Кырымдын хан алырлар ирмеш Казанга»¹⁰. (Из урука Алтын бека [и] Галим бека были и в Крыму. Поэтому, в любое время, когда был нужен хан для Казани, брали из Кырма). В связи с тем что имена этих двух знатных лиц появляются и в грамоте Ивана IV ногайскому мурзе Урусу (1576 г.), но как пересказ ранее отправленного послания последнего, заслуживает внимания тот комментарий, который был сделан к этому тексту при его издании В. В. Трепавловым. В частности, историк высказал мнение, что выражение «Алибаев и Алтынбаев юрт», содержащееся в документе, является «обозначением части Казанского ханства посредством имен первых правителей местного удела»¹¹. Исследователь, таким образом, связал приведенные имена, названные им «эпонимами», с именами названных выше легендарных сыновей «хана» Габдуллы (Абдуллы). Такую трактовку следует принять, так как ее можно подкрепить дополнительными аргументами.

При обсуждении вопроса об историчности названных фигур интерес, прежде всего, представляет известие о нападении татар в 1429 г. на Галич и Кострому, содержащееся в ряде русских летописей. Согласно им, после нападения татары ушли «низ Волгою», а русские их преследовали. При преследовании «угониша задь ихъ, и иных разогнаша, а иных побиша, а царевича и князя не догониша»¹². Это известие в «Летописном своде 1497 г.» и «Летописном

* Скорее всего, эти же источники были использованы Тажутдином б. Ялчыгулом при написании родословной племени айле, в которой Алтын-бек и Галим-бек также числятся сыновьями Габдуллы «хана» (его отцом назван Ильгам-хан), с примечанием, что «во времена предка Галим-бека (династия) ханов их рода пресеклась» (см.: Башкирские родословные. — Уфа, 2002. — Вып. I. — С. 180-181). Несколько иную версию этих же преданий приводит в своей работе и Х. Амирхан (см.: Эмирхан Х. Тәварихы Болгария (Болгар тарихы). — Казан, 2001. — Б. 62-64). Но у него Алтын-бек и Алим-бек названы сыновьями «хана» Габдуллы.

своде 1518 г.» (Уваровская летопись) имеет интересные подробности. В первом источнике сказано: «...погнаша за татары и оугониша сзаци их, побиша Татар и Бусорман (вариант — “бесермен”. — *Д. И.*), и полон отняша, а царевича и князя Али-Бабы не догониша»¹³. Во втором источнике практически говорится о том же: «...побиша Татар и Бесермен, а полон весь отняша, а царевича и князя Али-бабу не догониша»¹⁴. В приведенном сообщении речь, несомненно, идет о Казанском (Болгарском) княжестве. Во-первых, одновременное упоминание в русских летописях «татар» и «бесермен» характерно именно для этой территории. Во-вторых, в Устюжской и Вологодской летописях татары, напавшие в 1429 г. на Галич и Кострому, прямо названы «казанскими»¹⁵. Наконец, известный поход «на Болгары Волжские» воеводы великого князя Московского Василия II Федора Стародубского, предпринятый в 1431 г. явно как ответ на нападение 1429 г.^{*}, не оставляет сомнений в правильности сделанного вывода.

В таком случае внимание привлекает имя князя Али-Бабы (бабы), участвовавшего в походе. Все дело в том, что это имя практически идентично имени «казанского князя Либея», который, согласно Воскресенской летописи^{**}, являлся до 1445 г. «вотичем» в Казани¹⁶. Исходя из имени «Лиbey», допустимо предположить, что в форме Али-Баба (баба), как и в варианте «Лиbey», конечная часть имени отражает титул «бей» (бэй, бий). Тогда окажется, что имя данного «Казанского князя», «вотчика» практически идентично имени второ-

го из сыновей «хана» Габдуллы Галим (Гали ~ Али) бека. На самом деле получается, что мы в лице Галим (Гали) бека имеем дело с наследственным правителем («вотчик») Казанского (Болгарского) княжества, происходившим от легендарного «хана» Габдуллы, правителя Болгара и его округа периода нашествия Тимура.

Безусловно, титул как Алтын-бека, так и Али (Галим)-бека был «бекским», т. е. они имели, как отчетливо показывают русские летописи, «княжеское» достоинство. При этом возникает явное противоречие между «ханским» титулом их отца — Габдуллы и невозможным для чингисидских политий «княжеским» (бекским) достоинством названных двух лиц. Это противоречие попытался преодолеть еще Шигабуддин Марджани, перечисливший в ряду «падишахов» Болгара после эмира Булат-Темира эмиров Габдуллу и Хасана¹⁷. Как видим, историк предпочел обозначить титул Габдуллы как «эмира». Однако затем он приводит любопытные рассуждения по поводу обнаружения в Казани пышной эпитафии Хасан-бека (дата не сохранилась), в которой фигурируют имена двух знатных лиц, упоминаемых в летописном сообщении за начало 1377 г. в связи с г. Болгаром¹⁸. Указав, что Хасан назван «эмиром, султаном, тенью Аллаха в этом мире» («эмир вэ солтан вэ зыйльлуллае лил-галәмәән»), и заключив, что этот человек был «самостоятельным падишахом», Ш. Марджани отмечал, что при отсутствии у него титула «хана» его нельзя считать принадлежащим к «татарским ханам»¹⁹, т. е. к чингисидам. Получается, что вслед за эмиром (он же — бек) Хасаном на титул султана может претендовать и «эмир» Габдулла. Однако, как уже говорилось, султанами на ордынском и постордынском политическом пространстве могли быть только дети отцов-чингисидов. В итоге возникшая проблема у Ш. Марджани осталась нерешенной.

На этом трудности не заканчиваются. В частности, в сообщении за 1429 г. кроме понятия «князь» употреблен и термин «царевич» (т. е. султан), причем из текста летописей невозможно вывести однозначное заключение, имеет ли он отношение к Али-Бабе (Али/

* Это событие впервые детально разобрал А. А. Горский, отметивший не только их приход из «Волжской Булгарии», но и связь похода 1431 г. во главе с князем Федором Стародубским «на Болгары Воложские» с событиями 1429 г. (см.: Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2000. — С. 142). Затем эти события рассмотрел и А. Г. Бахтин, оставшись на позициях А. А. Горского (см.: Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 94-95).

** В Никоновской (Патриаршей) летописи это имя дается в форме «Азы», «Азый» (см.: ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. — С. 251). Полагаю, что в этом случае мы имеем дело с прозвищем (эпитетом) «гази» — вонитель. Впервые эту мысль высказал В. В. Вельяминов-Зернов (см.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863. — Ч. I. — С. 5). Недавно к нему присоединился и А. Г. Бахтин (см.: Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 89).

Гали беку) или обозначает другое лицо. Лишь недавняя археографическая находка А. А. Горского, кажется, позволила разрешить проблему. Дело в том, что в договорной грамоте двух русских князей (Галичского и Рязанского) за 1434 г. отмечается царевич Махмут-Хозя, бывший ранее «в Галиче ратью»*. Отсюда, скорее всего, следует, что, кроме князя Али-Бабы, в 1429 г. в походе на русские земли участвовал и султан (царевич) Махмут-Хозя.

На самом деле, имеются еще три более ранних случая, относящиеся к концу XIV — началу XV в., когда на территории Казанской (Болгарской) «земли» отмечаются царевичи (султаны).

Скажем, при описании захвата г. Владимира в июле 1410 г. сторонниками Нижегородского князя Данила Борисовича упоминается** приглашенный последним царевич Талыч (Талча/Талчоу/Талык) со 150 (в некоторых летописях — 1 500) татарами²⁰, возможно, бывшими выходцами из Болгарского владения. Видимо, как ответ на эти действия зимой 1410-1411 гг. состоялся поход московских войск против Нижегородского княжества, т. е. князя Данила Борисовича. Отдельные русские летописи, рассказывающие об этом событии, содержат заслуживающие внимания детали. Так, в Тверской летописи под 1410 г. (6918) говорится о присутствии в войсках Нижегородского князя «Болгарских князей, и Жукотинских и Мордовских»²¹. Это же известие, датированное 1411 г. (6919 — дело происходило в январе 1411), с небольшо-

ми изменениями приводится и в Никоновской летописи^{***}, в которой после упоминания союзников Нижегородского князя — «Болгарских князи и Жукотинских» — сделано следующее примечательное заключение: «...сташа же на костехъ князи Новгородские Нижегород Новгорода и князи Казаньстии»²². Если исходить из этих данных, то царевич Талыч, скорее всего, в 1410 г. тоже действовал совместно с войсками из Болгарского владения.

Далее, в ходе известного похода Едигея на Москву в конце 1408 г., как видно из некоторых русских летописей (Тверской сборник), в направлении Нижнего Новгорода и «верх по Вълзе» во главе с неким царевичем действовал отдельный ордынский отряд, состоявший из «многих Татар», «Болгарской силы» и «Мордвы». Он не только захватил Нижний Новгород и Городец, но и планировал идти на Кострому и Вологду. Только «весть» от Едигея, повелевшего им «увернутися в Орду», спасла два последних города, но на обратном пути были еще сожжены Курмыш и Сара Великая, вывезен большой полон «въ свою землю»²³. Разобравший этот эпизод А. А. Горский высказал предположение, что «царевичем», командовавшим этим отрядом, мог быть Ентяк, по его мнению, «управлявший при Едигее Волжской Булгарией»²⁴. Такой вариант не исключен, хотя с равным успехом названным «царевичем» мог быть и уже упоминавшийся Талыч, так как действия ордынского отряда в районе Нижнего Новгорода в 1408 г. явно имели отношение к получению Даниилом Борисовичем ярлыка на нижегородское княжение²⁵. Между тем в 1410/1411 г. именно царевич Талыч выступает как сторонник князя Данила. В любом случае, участие в ордынском походе 1408 г. «Болгарской силы» допускает нахождение неназванного царевича на территории Болгарского владения.

Более ранний случай, датируемый,

* А. А. Горский не только указал на содержание этой договорной грамоты, но и отметил, что названные татары, скорее всего, действовали не с санкции «центральной власти Большой Орды», так как в последующие годы московские князья находились с ней в мире (см.: Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2000. — С. 142). А. Г. Бахтин придерживается аналогичного мнения (см.: Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 93).

** В строгановской редакции Нижегородской летописи Талыч назван «касимовским царевичем», а татары, бывшие с ним, «касимовскими» (см.: Шайдукова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. — Нижний Новгород, 2006. — С. 139). Так как события, о которых идет речь в этой редакции Нижегородской летописи, датируются 1410 г., то в них о «касимовских» татарах речь идти никак не может. Возможно, в оригинале в этом тексте стояло слово «казанские». Обращает на себя внимание и то, что в ряде редакций Нижегородской летописи число воинов-татар указано как 1 500 (см.: Шайдукова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. — Нижний Новгород, 2006. — С. 201, 216, 229, 242).

*** Короткие версии этих сообщений, без упоминания князей «Болгарских», «Жукотинских» и «Казанских», содержатся в Рогожском, Владимирском летописцах, а также в Тверской и Нижегородской летописях (см.: ПСРЛ. — М., 2006. — Т. XV. — Вып. 1. Рогожский летописец. Тверской сборник. — С. 186, 485; ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 30. Владимирский летописец. — С. 131; Шайдукова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. — Нижний Новгород, 2006. — С. 139, 146, 154, 173, 201, 216, 229, 241, 252, 262).

скорее всего, 1398/1399 г.^{*}, тоже имеет отношение к Нижегородскому княжеству. Тогда князь Семен Дмитриевич приходил под Нижний Новгород с войсками, в составе которых был и «царевич Ектяк (Ентяк) с 1 000 Татар». После безуспешного наступления эти татары «возвратишася въ свою землю, въ Казань». В ответ состоялся уже отмечавшийся рейд московских войск «на Казань», когда были взяты «градъ Болгары, и Жукотинъ, и Казань, и Кеременчухъ, и иные много градов»²⁶. Хотя указанные татары, особенно князья болгарские и джукетауские, были из «Казанской земли», автоматически делать вывод, что оттуда же явился и царевич Ентяк, нельзя²⁷, но, тем не менее, более предпочтительно считать его выходцем из данного владения²⁸.

А в целом имеются все основания говорить о том, что в Казанской (= Болгарской) «земле» в конце 1390-

1420-х гг. наряду с князьями присутствовали и султаны (царевичи) из чингисидов. Как мы видели, на рубеже XIV-XV вв. на названной территории таких султанов известно трое: Ентяк (1398/1399 г.), Талыч (1410/1411 г.), Махмут-Хозя (1429 г.). К этому ряду, по мнению некоторых историков, следует добавить еще одну личность — Гияс ад-Дина.

Генеалогическая принадлежность названных выше лиц пока остается точно не установленной, но несомненно они были чингисидами. Наряду с их титулами «царевич», дополнительным аргументом в пользу такого заключения может быть информация из Пискаревской летописи о после «из Орды» царевиче Ентяке в 1403 г.²⁹ Этот вывод остается в силе даже в том случае, если под «Ордой» в источниках подразумевается ее часть — «земля Казанская», так как процесс распада Улуса Джучи еще не был завершен. В целом вряд ли можно сомневаться в аффилированности названных чингисидов с тогдашними правящими ордынскими ханами. Так, поскольку султан (царевич) Ентяк, согласно Пискаревской летописи, в 1403 г. (6911) был отправлен «из Орды» в качестве посла «на Русь» от хана Шадибека и Едигея³⁰, можно полагать, что он и в 1398/1399 гг. действовал от имени последнего³¹, точнее, того хана (Тимур-Кутлука), которого тот представлял. Не случайно, как уже было сказано, А. А. Горский высказывал предположение о том, что Ентяк как «ставленник Едигея» управлял «средневожскими землями» Орды, т. е. Болгарским владением³². Так как первое упоминание царевича Ентяка приходится на время правления Тука-Тимурида хана Тимур-Кутлука (1396-1401), не исключено, что он был даже его родственником, но каким — не известно (по данным «Таварих-и гузида-йи нусратнаме» среди сыновей этого хана данное имя отсутствует³³). То, что он продолжал действовать и при племяннике хана Тимур-Кутлука Шадибеке (1401-1407)^{**},

^{*} Датировка события остается спорной. В свое время на эту проблему обратил внимание М. Г. Сафаргалиев, склонный датировать указанные походы концом XIV в. (см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 166). По этому поводу в литературе сейчас представлены два мнения: В. А. Кучкина, относящего событие к ноябрю 1395 — февралю 1396 г., и других исследователей, стоящих на позиции, что оно имело место в октябре 1399 г. (поход царевича Ентяка с Семеном Дмитриевичем), а ответный поход московских войск — в конце 1399 — начале 1400 г. (дискуссию по этому поводу см.: Горский А. А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV в.: причины, особенности, результаты // Отечественная история. — 1998. — № 4. — С. 15-23; Он же. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. — М., 2004. — Кн. 4. — С. 150-151; Он же. Москва и Орда. — М., 2000. — С. 125-126; Он же. Датировка похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2004. — № 4. — С. 93; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. — М., 2003. — С. 299-304; Он же. О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2006. — № 3. — С. 106-132). В последнее время точку зрения А. А. Горского поддержал Г. А. Бахтин, отметивший, что названные события имели место с осени 1398 г. по февраль — начало марта 1399 г. (см.: Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008. — С. 86). Несмотря на то что в целом более предпочтительным представляется мнение оппонентов В. А. Кучкина, кое-какие аспекты приведенных этим исследователем аргументов нельзя игнорировать. Заметим, что одним из аргументов в пользу датировки А. А. Горского и Г. А. Бахтина является повторное упоминание царевича Ентяка в 1403 г., что, учитывая бурный характер смены ханов после Тохтамыша, скорее, говорит в пользу датировки отмеченных эпизодов самым концом XIV в. Тем не менее рассмотренная проблема нуждается в дополнительном изучении на основе привлечения новых источников.

^{**} Хан Шадибек, будучи племянником хана Тимур-Кутлука, по нашему мнению, не имел отношения к линии правителей Крыма Кутлук-Тимура и его отца Тулук-Тимура, как это утверждает А. Г. Гаев (см.: Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и

тоже Тука-Тимуриде, скорее всего, говорит в пользу высказанного предположения. Участие султана (царевича) Талыча в 1410 г. в действиях против Московского великого княжества совместно с Даниилом Борисовичем, получившим ярлык на нижегородское княжество от Едигея (1408 г.)³⁴ при правлении хана Булата (1407-1411), являвшегося сыном Шадибека или внуком хана Тимур-Кутлука*, скорее всего, также говорит о родстве этого султана с предшественниками «дома» Тука-Тимуридов**.

Сложнее с султаном (царевичем) Махмут-Хозей. В связи с тем, что в 1428/1429 г. Болгарское владение могло находиться в подчинении*** у Шибанида Абул-Хайр-хана³⁵, можно попытаться поискать этого султана среди Шибанидов. В частности, у османского историка середины XVIII в. Сейида Мухаммеда Ризы есть перечисление «правителей» так называемых «остав-

других регионов. – Нижний Новгород, 2009. – Т. III. – Вып. IV. Нумизматический сборник. – С. 28, 51). Они, скорее всего, являлись вождями клана Кыйат, а не чингисидами (см.: Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Научное издание. – Казань, 2007. – С. 150-151).

По поводу Булата (Пулада) в источниках есть некоторые разночтения. Такие источники, как Йезди в «Книге побед» и «Шаджарат ал-атрак», считают Пулада сыном хана Шадибека (см.: История Казахстана в персидских источниках. – Алма-Ата, 2006. – Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – С. 289, 399). В имеющихся генеалогиях, однако, Пулад упоминается, например, в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», как сын (видимо, старший) хана Тимур-Кутлука (см.: История Казахстана в персидских источниках. – Алма-Ата, 2006. – Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – С. 436). Между тем в том же источнике, а также в «Му-изз ал-ансаб» среди детей Шадибека имя Пулад отсутствует (см.: История Казахстана в персидских источниках. – Алма-Ата, 2006. – Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – С. 437; История Казахстана в персидских источниках. – Алма-Ата, 2006. – Т. III. Му-изз ал-ансаб (Проставляющие генеалогии). – С. 46). Тем не менее наличие в источниках прямых указаний о происхождении Булата от Шадибека или Тимур-Кутлука не позволит нам причислить этого хана к Шибанидам, как это сделал А. Г. Гаев (см.: Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. – Нижний Новгород, 2009. – Т. III. – Вып. IV. Нумизматический сборник. – С. 28, 51).

** Вряд ли кратковременное, к тому же гипотетичное, нахождение Джелал-ад-Дина б. Тохтамыш-хана в Болгарах в 1407 г., тут играла какую-либо роль, ибо Едигей перед тем, как посадить на трон в том же году Булата, по данным И. Шельтбергера, «вступил в Болгарию, которая также им была завоевана» (см.: Сафаргалев М. Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – С. 183-184).

*** Дополнительно об этом может свидетельствовать одно место из уже отмеченной грамоты Ивана IV ногайскому мурзе Урусу.

шихся малочисленных племен (ка-вем)» «Дешта и Булгарских земель» с титулом «хан», в числе которых упоминаются: Хизр, Махмуд-ходжа, Абул-Хайр, Шейх-Хайдар, Баян-ходжа, Ядгар и Эменек «из рода Шибана»³⁶. Не является ли Махмуд-ходжа, присутствующий в числе названных «правителей», известным в 1429 г. царевичем Махмут-Хозей? При поиске ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание и на сведения, содержащиеся у А.-З. Валиди-Тогана, указавшего, опираясь на неопубликованную часть сочинения Утемиша-хаджи «Чингиз-наме», что хану Хаджи-Мухаммату б. Гали (т. е., по его мнению, основателю династии сибирских ханов) подчинялся и «город Болгар (с окрестностями)»³⁷. Но названного выше Махмуд-Хозю, скорее, можно отождествить не с этим ханом, а с известным Шибанидом Махмуд-ходжа ханом, сыном Каганбека б. Алибека, убитым**** в 1429/1430 г. Абул-Хайр-ханом³⁸. Правда, нам не известно, когда он стал ханом, если вообще им являлся.

К отмеченным выше султанам, находившимся в первых десятилетиях XV в. на «Казанской земле», А. Г. Мухамадиев предлагает добавить и Гияс ад-Дина, которого он не совсем удачно определил как «суверенного правителя» Казани, правившего в этом владении между 1422-1445 гг.³⁹ На монетах этого хана, действительно чеканенных в «Болгаре», даты отсутствуют, но на наиболее ранних из них, отнесенных А. Г. Мухамадиевым по весовым нормам к 1422-1425 гг., есть надпись «Ас-султан высочайший Гияс ад-Дин хан»⁴⁰.

**** При формулировании этого вывода нами использованы также наблюдения А. Г. Гаева (см.: Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. – Нижний Новгород, 2009. – Т. III. – Вып. IV. Нумизматический сборник. – С. 28-30). Кроме того, следует иметь в виду, что в отдельных русских летописях под 6908 г. (1400 г.), т. е. после смерти хана Темир-Кутлука и перехода престола к хану Шадибеку, сообщается о столкновении около Червленого Яра войск рязанского князя Олега с татарскими войсками, в результате которого были пленены «князья ординские» и некий «салтан Мамат» (см.: ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – С. 184; Татищев В. Н. История Российская. – М., Л., 1965. – Т. 5. – С. 196). Возникает вопрос о том, не является ли этот «салтан» царевичем Махмутом-Ходжой? Учитывая сказанное выше, скорее всего, ответ будет отрицательным.

Эту личность на основе присутствия на монетах с его именем лировидной тамги он отождествил с отцом основателя Крымского ханства Гияс ад-Дином⁴¹. Однако проблема в том, что о ханском статусе последнего* практически ничего не известно⁴². Кроме того, по источникам, в этот период в Казанском (Болгарском) владении ханы напрямую вообще не прослеживаются. В такой ситуации предпочтительнее видеть в Гияс ад-Дине, монеты которого чеканились в «Болгаре» после ранних монет Улу-Мухаммеда (1421-1422 гг.) и Мухаммеда-Барака (1422 г.)⁴³, сына уже знакомого нам хана Шадибека⁴⁴. В таком случае он нормально «встраивается» в целый ряд других ордынских ханов, которые чеканили свои монеты в «Болгаре» в первой трети XV в. При этом появление лировидной тамги на монетах этого правителя можно было бы объяснить использованием штемпеля периода ранних монет Улу-Мухаммеда⁴⁵. Реальное время ханства Гияс ад-Дина б. Шадибека, но не как правителя Казанского (Болгарского) княжества, а как ордынского правителя, было кратковременным и вряд ли выходило за пределы 1422-1426/1427 гг.⁴⁵, что также не позволяет отождествить эту фигуру*** с «казанским вотичем» Азизом (Азыем), т. е. Али (Гали) беком, как это делал А. Г. Мухамадиев⁴⁶.

Чингисиды-султаны обнаруживаются в административно-политическом образовании с центром в г. Болгаре и в 1370-х гг. Так, осенью 1370 г.**** вели-

кий князь Суздальский и Нижегородский Дмитрий Константинович послал рать на «Болгарского князя Асана (Осана)». Этот поход был явно совершен по повелению Мамая⁴⁷, посадившего в том году у себя в Орде ханом «Мамать Солтана»⁴⁸. В итоге этого похода «на княжении» в Болгарах был посажен «Солтан Баков сын» (Салтанбаков сын)⁴⁹. Присутствие в войсках ханского посла этим и объясняется: обычно посол в таких случаях привозил ярлык на княжение. У нового князя, посаженного «на княжении», наряду с «Болгарским князем» Асаном, можно заподозрить наличие титула «султан». Еще более очевидно это в 1377 г., когда во время следующего похода «на Болгары» русских войск упоминаются «князь Болгарский Осан и Махмать Солтанъ» (Рогожская летопись)⁵⁰, обозначенные во Владимирской летописи, близкой к Рогожскому, как «князи [...] Болгарьстии Осан и Махмать Солтан»⁵¹. Как видим, у «Махмата» титул «Салтан/Солтан» достаточно выражен. При этом, однако, получается, что «князем Болгарским» могли стать и султаны*****.

Но с подобным выводом спешить не стоит. Дело в том, что в ряде русских летописей (Рогожской, Воскресенской) при описании похода русских «на Болгары» в 1377 г., там, где речь идет о выходе из города правителей Болгарского владения, чтобы «добиста челом» русским, использована такая формула, которая отчетливо показывает, что «князь Болгарский» был один, а султан «Махмать» как бы выводится за скобки частных к этому титулу. Вот это место: «И высла из города князь Болгарский Осан и Махмат Солтан и добиста челом»⁵². Как уже было выяснено, в единственном числе — как «Болгарский князь Осан» — фигурирует это должностное лицо и в 1370 г. Участие же в событиях 1377 г., наряду с этим кня-

* В. Д. Смирнов вообще сомневался в том, что Гияс ад-Дин являлся отцом Хаджи-Гирея (см.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. — М., 2005. — Т. 1. — С. 188-189). Мнение М. Г. Сафаргалиева по этому вопросу см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 238.

** Такой знак имелся на монетах Улу-Мухаммеда, близкого родственника крымских Гиреев (см.: Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. — М., 1983. — С. 125).

*** Близкая точка зрения была высказана и Г. А. Гаевым (см.: Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. — Нижний Новгород, 2009. — Т. III. — Вып. IV. Нумизматический сборник. — С. 33-36).

**** Именно этот посол в 1375 г. приходил «из Орды» Мамай в г. Тверь к великому князю Михаилу с «ярлыки на великое княжение». Поэтому нахождение в составе многочисленного войска этого князя «посла царева именем Ачихожа» доказывает официальный характер похода. Такое предположение было сделано М. Г. Сафаргалиевым (см.: Сафаргалиев М. Г. Распад

Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 126). Аналогичную точку зрения высказал и А. Г. Мухамадиев (см.: Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. — М., 1983. — С. 95-96). В. А. Кучкин не сомневался в этом (см.: Кучкин В. А. Ханы Мамоевой Орды // Девяносто лет Н. А. Баскакову [Электронный ресурс]).

***** В свое время М. Г. Сафаргалиев допускал возможность интронизации в качестве «Болгарского князя» даже лиц с ханским достоинством (см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 125-126).

зем, султана Махмата*, хотя и как будто бы посаженного в 1370 г. на княжеский престол, наталкивает на мысль, что он, если и был интронизирован в Болгарах, то не на княжеском месте. К сожалению, ситуация запутывается из-за состояния русских источников, в частности, в некоторых летописях (Владимирский летописец, Никоновская летопись) при описании событий 1377 г. использована иная формула, которая определяет «князьями Болгарскими/Казанскими» как Осана, так и Махмата⁵³. Остается полагать, что здесь летописцы допускают ошибку. В этом мнении нас укрепляет следующее наблюдение: в сообщении за 1410/1411 г. множественное число от понятия «Болгарский князь» появляется только в связи с тем, что в тексте еще упоминаются [князья] «Жукотинские»⁵⁴, т. е. как бы из-за обобщения двух групп знати под единой категорией «князей Болгарских». Таким образом, получается, что собственно «Болгарский князь» был все же один.

Ключевым при обсуждении проблемы статуса «Болгарского князя» на постепенно распадавшемся золотоордынском политическом пространстве является установление факта практически постоянного присутствия между 1370–1429 гг. в политическом центре «Болгарской (Казанской) земли» султанов-чингисидов. На самом деле это означает безусловную включенность данной территории в общеордынскую политическую систему. Но в каком качестве? В виде вассального княжества (княжеств) как русские территории или же в ином статусе? Для получения ответов на эти довольно непростые вопросы придется обратиться к новому анализу имеющихся источников.

Уже первое наблюдение — обнаружение пребывания в Болгарской (Казанской) «земле» чингисидов — позволяет говорить об отличии статуса этой территории от статуса русских княжеств, где никакого регулярного присутствия чингисидов не зафиксировано. Для получения ответа на поставленные вопросы важен вывод И. А. Мустакимова, сделанный на основе тщательного изучения поволжских арабографиче-

ских источников, о вхождении в рамках Улуса Джучи Болгарского владения в ханский домен, более того, о столичном статусе до конца XIII — начала XIV в. его центра — г. Болгара. Этот исследователь полагает, что «высокий статус» Болгара, скорее всего, сохранился и после того как из-за возрастания роли Сарая он был отодвинут на второй план. Кроме прочего, это произошло и потому, что Болгар мог быть летней резиденцией Джучидов, а по существу, второй столицей государства. Отражением особой роли Болгара и Болгарского владения на ордынском и позднеордынском политическом пространстве, по мнению И. А. Мустакимова, является именование его (позже и Казани) в источниках «Золотым трон» («Алтын тахт»)»⁵⁵.

На основе изложенных выводов еще раз вернемся к вопросу о «Болгарском/Казанском» князе. Предварительно, однако, необходимо сделать одно историко-ведческое замечание. Как следует из источников, титул «Болгарский (= Казанский) князь» имел отношение к конкретному владению, входящему в состав Золотой Орды. Однако с определением его политического центра есть двоякого рода трудности. Во-первых, в результате походов Тимура в конце XIV в. произошло перемещение политического центра данного владения из г. Болгара в г. Казань. Во-вторых, в относительно более поздних русских летописях в связи с важностью «болгарского вопроса» для идеологов Московского великого княжества информация, затрагивающая события, имеющие отношение к этому владению, в чисто политических целях была тщательно отредактирована⁵⁶, причем были подвергнуты корректировке и те сообщения, которые отражают период до переноса столяного центра рассматриваемого владения в Казань. Так, в Никоновской летописи Асан именуется «князем Казанским», что соответствует общей концепции данного летописного свода, ибо в источнике прямо сказано: «на Болгарского князя Асана, еже *ныне глаголются Казанцы* (выделено нами. — Д. И.)»⁵⁷. Поэтому путем сравнения разных летописей необходимо выяснить, когда мы имеем дело с реальным князем «Казанским», а когда это на самом

* По предположению М. Г. Сафаргалиева, сына султана Бака (см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 126).

деле еще «князь Болгарский», лишь переименованный летописцем в «князя Казанского». Скажем, в Никоновской летописи при описании событий 1377 г. вначале говорится о походе «на Болгары», но затем добавляется: «рекше на Казань». После этого уже речь идет о приходе русских войск «к Казани», а население этого города именуется «Казанцами»⁵⁸. В то же время в Рогожском летописце и близком к нему Владимирском летописце то же самое событие передается с «болгарским» акцентом («Българский князь Осан (Асан)», град «Българы (Болгары)», «безбожнныя Българы (Болгары)», «Бесерменове»)⁵⁹. Самое позднее упоминание «Болгарского князя» относится к 1410 (1411) г. и содержится в Тверской и Никоновской летописях, но в последней, как уже указывалось, с уточнением, что вкупе с джукетауской знатью этот князь включен в число «князей Казанских». На самом деле перенос политического центра* Болгарского владения, скорее всего, начался в 1395/1396 г.⁶⁰, но занял некоторое время, на что намекает татарская хроника «Фи бейан-и тарих», в которой вначале говорится о том, что двоих сыновей «хана» Габдуллы отправили «вглубь леса», где их «хорошо содержали», затем добавлено, что «Алтын-бека посадили на престол в четырнадцать лет» (при переселении ему, скорее всего, было девять лет), а на «реке Казанке построили крепость»⁶¹. Получается, что интронизация Алтын-бека произошла где-то около 1400/1401 г. Если иметь в виду, что Казань реально впервые в русских летописях упоминается в 1391 г. (6899) в Троицкой летописи⁶², затем и в других летописях, но на основе информации, все же восходящей к названной летописи⁶³, есть основания полагать, что этот город существовал и до похода Тимура на Болгарское владение. В 1398/1399 г. он, как уже отмечалось, фигурирует в числе четырех основных городов данного владения. Тогда политический центр Болгарского владения, скорее всего,

уже переместился в г. Казань. Но надо иметь в виду, что этот город довольно долго носил, как видно из монет, и параллельное наименование «Болгар ал-Джадид»⁶⁴, что могло создавать некоторую путаницу и в русских летописях, в которых даже в 1410 (1411) г. уже явно находившийся в Казани князь — политический глава этого владения — еще мог именоваться иногда «князем Болгарским»⁶⁵.

Принимая во внимание, что «хан» Габдулла и его дети — Алтын-бек и Галим-бек являются ключевыми фигурами начального периода трансформации Болгарского владения Золотой Орды в Казанское княжество, попытаемся уточнить сохранившуюся в источниках информацию о них.

В этом нам прежде всего может помочь установление их клановой принадлежности. Недавно И. А. Мустакимов (вслед за Х. Д. Френом, о чем историки успели забыть) обратил внимание на то, что в татарской хронике «Фи бейан-и тарих» тамга Алтын-бека по названию (эвернэ) и начертанию (X) совпадает с тамгой одного из клановых вождей из «Дафтар-и Чингиз-наме», а именно, Кыята, «сына» Буданжара*. Надо думать, что эти племенные атрибуты принадлежали в целом «роду» Габдуллы «хана» и их следует учитывать при обсуждении вопроса о клановой принадлежности этого «рода». По мнению названного исследователя, отмеченные совпадения «указывают на племенную принадлежность “князей Болгарских/Казанских”, по крайней мере в первой половине XV в.»⁶⁶. С этим заключением следует согласиться, но с одним уточнением — сам «хан» Габдулла жил значительно раньше. Наконец, И. А. Мустакимов совершенно справедливо замечает, что при трактовке вопроса о «роде» Габдуллы-«хана» следует учитывать уже отмеченный в татарской хронике «крымский след», имея в виду в том числе и то, что Крым являлся до 1380 г. владением темника Мамая из клана Кыят⁶⁷.

* Именно ко времени второго похода Тимура против Золотой Орды (1395 г.) и следует относить, скорее всего, опустошение города Болгара и других городских центров этого владения (см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 164-166; Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана. — Казань, 2003. — С. 138).

** Согласно «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» Бузанджар-бек был «из потомков кыйата Исатай-бека» и входил в число знати, окружавшей хана Абул-Хайра во времена «установления [его] могущества» (см.: Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. — Алма-Ата, 1969. — С. 16).

Если обратиться к фигуре самого «хана» Габдуллы, то в татарских источниках сведений о нем больше. В частности, некоторые татарские родословные, в которых речь идет об «Улус бие (Олыс бий. — Д. И.) из биев Чингиз-хана, выходец из шахри Булгара», в устных их вариантах начинаются с Габдуллы-хана, «будто бы выходца из Крыма». Однако у названного «Улус бия» не только тамга, но и дерево (карагай) совпадают с клановыми атрибутами подразделения Кыйат⁶⁸. Правда, справедливости ради следует указать, что фигурирующее в родословных название птицы рода «Улус бия» — «күчөгән», согласно «Дафтар-и Чингиз-наме», относится к другому клану (к группе бурджан⁶⁹), тогда как птицей Кыйата, сына Буданжара, назван «шонкар». Возможно, такое несоответствие объясняется смешением в указанных родословных сведений из мужской линии с данными по женской линии⁷⁰. Тем не менее в данном случае важно, что информация из шежере отчасти подкрепляет сведения, представленные в татарских хрониках. К тому же это не единственное сообщение в источниках татарского происхождения о «хане» Габдулле. Например, «хан Габдулла, сын Туляка» упоминается с некоторыми интересными для разбираемой темы деталями в известном татарском дастане «Түләк белән Сусылу» («Түләк китабы»)⁷¹.

По нашему мнению, изложенные выше материалы дают возможность предложить новую трактовку проблемы «ханского» происхождения Габдуллы, позволяющую в итоге не только объяснить «княжеское» достоинство его детей, но и в целом внести ясность в вопрос о «князе Болгарском/Казанском». И поиск в данном случае следует вести исходя из данных о «крымском» происхождении «хана» Габдуллы.

При таком подходе единственной реальной исторической фигурой, с которой применительно ко второй половине XIV в. может быть отождествлен «Болгарский хан» Габдулла, окажется хан Абдаллах (Абдула), возведенный в Мамаевой Орде на ханский престол темником Мамаем в 1361/1362 г. и остававшийся в этом качестве до 1369/1370 г.⁷² Судьба этого хана, после того как он был заменен в 1370 г.

Мамат-султаном (Мухаммед-Буляком), неизвестна⁷³. Между тем есть несколько существенных деталей, позволяющих сомневаться в чингисидском происхождении Абдаллаха (Габдуллы), несмотря на то что Ибн-Халдун называет его «отроком из детей Узбека»⁷⁴, а ал-Калкашанди — «сыном Узбека»⁷⁵. В «отроки» из поколения детей хана Узбека Абдаллах не подходит по очень простой причине. Если принять во внимание дату смерти этого хана (1342 г.), то в 1362/1363 г. Абдаллах никак не мог быть в «отрочьем» возрасте, завершающемся где-то в 15 лет. Сыном этого хана он не мог быть и потому, что после смерти Узбека сын Джанибека Бердибек вместе со своим отцом убил 12 своих братьев, вплоть до грудных младенцев⁷⁶. Именно массовое уничтожение чингисидов из рода Узбека в 1357 г. и привело к тому, что генеалогия двух правивших после Бердибека ханов — Кульны (Кульпы) (1357/1358 г.) и Навруза (1359/1360 г.) непонятна*, а у других ордынских ханов, которые были не из Кок-Орды, например, у Кильдебека, прошлое было явно темным — не зря про него в русских летописях сохранилось высказывание «творящегося сын царя Чанибека»⁷⁷. Хотя по некоторым генеалогическим записям (в частности, по «Му-изз») Кильдебек как будто бы являлся сыном одного из рано умерших сыновей Узбека — Иринбека⁷⁸, в свете других данных это сомнительно. Так, «Аноним Искандера» Натанзи сообщает, что после смерти Бердибека «никого из рода султанов Кок-Орды (Ак-Орды. — Д. И.) не осталось. После этого эмиры, согласившись [между собой], возвели на трон царства неизвестного человека, под предлогом, что он Кельдибек, сын Джанибек-хана»⁷⁹. В «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи то же сказано, что хан Бердибек «убивал своих родственников и огланов своих в страхе, что оспорят они ханство у него». Затем в этом источнике добавлено, что при Тай-Туглы бегим (жене

* Попытка А. Г. Гаева связать их с реальными линиями Джучидов крайне не гипотетична и не может считаться заслуживающей внимания (см.: Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. — Нижний Новгород, 2009. — Т. III. — Вып. IV. Нумизматический сборник. — С. 18-19).

Узбек-хана) «не осталось никого из потомства Саин-хана», и Кильдебек прямо назван «Лже-Кельдибеком», с примечанием: «...эль не подчинился ему»⁸⁰. Так что Абдаллах (Габдулла), явно неточно определенный в арабских источниках как «отрок из детей Узбека», в этом ряду сомнительных чингисидов совсем не исключение*. Затем надо иметь в виду и то, что возведенный на ханский престол в Мамаевой Орде в 1380 г. Тулукбек называется Мамай в своем ярлыке «дядей»⁸¹, фактически прямо указывая, что он не являлся «стандартным» чингисидом.

В плане обсуждаемых вопросов хотелось бы отметить, что в дастане «Түләк белән Сусылу» главный его герой — Туляк (Түләк), ставший ханом и правивший то ли три года, то ли шесть (или 36) лет, называет своим отцом «Мирказый бия» (варианты: Мыркас/Мыркас/Мыркасык/Сары-Мыркас), т. е. человека явно с «княжеским» достоинством, хотя в другом месте ему в качестве отца как будто бы приписывается и легендарный «Бачман хан»⁸². Впрочем, в аутентичных вариантах дастана Бачман явно не считался отцом Туляка⁸³. На этом мы специально заостряем внимание потому, что имя Туляка из дастана, во-первых, совпадает с именем возведенного Мамаем на престол в 1380 г. Тулукбека (может быть, Тюляк/Тулукбек), во-вторых, эпический Габдулла, поднятый на ханство и правивший, по дастану, всего два года, согласно эпосу, назван сыном Туляка⁸⁴. Несмотря на то что в дастане последовательность правления Габдуллы и Туляка идет не так, как было в реальности в Мамаевой Орде, эти данные примечательны. Особенно если принимать в расчет «хана Габдуллу» из родословных и его отношение к потомкам «Улус бия», а также, что немаловажно, бывшего по генеалогиям, «выходцем из Крыма».

В этой связи заслуживают рассмотрения некоторые детали дастана, посвященного Туляку, а именно: опреде-

ление его «птицы» как «Ак шонкар» (шынкар), хотя в качестве варианта она именуется в дастане и как «Ак йапалак»⁸⁵, но на самом деле подразумевается все же шонкар⁸⁶. Уже говорилось, что «шонхор» (по-монгольски), точнее, «ак шонкар», являлся «птицей» клана Кыйат. В итоге обнаруживается причастность Туляка (следовательно, и его «сына» Габдуллы) к тому же «царственному» клану Улуса Джучи. С другой стороны, в дастане при возведении Туляка на ханский престол в городе, расположенном в его «отцовском юрте» («атам йорты»), собравшийся «народ» обращается к нему как к «сыну султана» («солтан угылы»), но только из-за того, что тогда «никто не знал его реального происхождения»⁸⁷. Но в эпосе «княжеское» достоинство Туляка проглядывает достаточно явственно.

Таким образом, сама интронизация Туляка и Габдуллы (про последнее, правда, этого однозначно утверждать нельзя) могла происходить в Болгарах — одном из столичных центров домениального владения чингисидов. В частности, в рассмотренном уже дастане при рассказе о Туляке несколько раз упоминается особое тронное место — «алтын тәхет»⁸⁸, довольно красочно описанное. Кроме того, имя отца Туляка — Миргазый (Мыркас/Мыркас) бека (бия) из эпоса весьма напоминает имя одного из четырех «улулг беков» Габдуллы «хана» из «Дафтар-и Чингиз-наме», названного Миркаш беком⁸⁹ (оно, кстати, отложилось в топониме «Моркваш», известном из русских летописей в районе исторического г. Болгара еще с 1374 г.⁹⁰). А присутствие в окружении Габдуллы хана в г. Болгаре именно четырех «улулг беков», о которых уже говорилось, само по себе свидетельствует именно о «престольном» значении владения с центром в этом городе. Этот вывод напрашивается еще и потому, что г. Сарай довольно часто переходил во владение противников Мамае, а Болгарское владение с «престольным» статусом оказывалось под его контролем**, например, в 1370-1377 гг.⁹¹.

Несмотря на то что при настоящем уровне наших исторических знаний

* По нашему мнению, точка зрения А. Г. Гаева о родословии Абдаллаха аргументирована весьма слабо и поэтому не может быть принята (см.: Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. — Нижний Новгород, 2009. — Т. III. — Вып. IV. Нумизматический сборник. — С. 23-24).

** Для других периодов этого однозначно утверждать нельзя (см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 125, 130).

весь рассмотренный выше фактический материал в абсолютно стройную систему доказательств выстроить пока не удастся, уже явно напрашивается гипотеза о том, что «хан» Габдулла, правитель Болгарского владения, и хан Абдаллах, занимавший престол в Мамаевой Орде между мартом/октябрем 1361 — мартом 1370 гг.⁹², — это, скорее всего, одно и то же лицо. Для нас в данном случае существенно и то, что Габдулла (Абдаллах), похоже, являлся подставным ханом, изначально не относившемся прямо к «Золотому роду» («Алтын урук») чингисидов. Если довериться той информации, которая представлена в рассмотренном дастане и в родословных, Габдулла, как и сам Мамай, происходил, скорее всего, из рода вождей клана Кыят, из которого в свое время, как известно, выделились и предки Чингис-хана. Хотя такого происхождения в XIV в. было уже недостаточно для занятия трона в распадающемся Улусе Джучи, волею темника Мамая двое из этого клана — Габдулла и Туляк (со второй половины марта 1377 — до осени 1380 гг.)⁹³ были, похоже, в особых условиях крайнего дефицита чингисидов в Мамаевой Орде возведены там на трон.

Неясным остается при таком раскладе лишь происхождение Мухаммед-Буляка («Махмат Салтана»), занимавшего трон в этом владении между ханами Габдуллой и Туляком (1369/1370 — май 1376 г. или март 1377 г.). Однако нельзя пройти мимо того, что имя этого хана странным образом практически совпадает с именем отмеченного в 1377 г. в Болгарах султана («Махмат Солтан»).

На этот факт в свое время обратил внимание еще В. А. Кучкин, высказавший мнение, что посаженный в 1370 г. «на княжении» в Болгарах по воле Мамая «Салтанъ Баков сын» являлся сыном Мухаммеда-Буляка («Б[ул] аков сын») или самим Мухаммедом-Буляком, «если некий [А]бак был его отцом»⁹⁴. Разбиравший позже тот же эпизод А. А. Горский колебался отно-

сительно тождества Мухаммед-Буляка (Буляка/Бюлека) и «Махмат-Солтана», заметив, что в 1377 г. последний не обозначен как «царь», т. е. «хан», а назван «султаном» (царевичем). Вот почему этот историк в конце концов склонился к тому, что «Махмат Солтан» 1377 г. — скорее всего, сын Мухаммеда-Буляка, носивший то же имя, что и отец⁹⁵.

Действительно, с титулом «Махмата» в данном случае существует проблема, с которой следует разобраться. Но тут надо иметь в виду следующее. Во-первых, выпуск монет от имени хана Мухаммеда-Буляка прекратился почти за год до появления русских войск в Болгарском владении во второй половине марта 1377 г.: последняя известная монета с его именем датируется временем до 21 мая 1376 г.⁹⁶ Оставался ли между этими датами Мухаммед-Буляк ханом, неизвестно. Во-вторых, исследователи не обращают должного внимания на странный характер операции русских войск весной 1377 г., завершившейся получением ими в Болгарском владении не только огромного выкупа в 5 000 рублей (сумма, равная пятилетней дани, уплачивавшейся с территории собственно Московского княжества⁹⁷), но и оставлением там — на территории Орды! — «дариги» и «таможника»⁹⁸. Даже имея в виду, что это был период сильнейшей конфронтации русских княжеств во главе с Московским великим князем Дмитрием Ивановичем с Мамаем⁹⁹, трудно допустить, чтобы русские действовали на домениальных землях ордынских ханов по собственной воле, без опоры на нового сюзерена, на которого они могли переориентироваться из-за осложнения отношений с Мамаевой Ордой. А такой хан, на самом деле, имелся: это мог быть Урус, захвативший Сарай в 776 г. х. (1374/1375 г.), чьи монеты появились в 1377 г.¹⁰⁰ Поэтому можно допустить, что поход русских войск начала 1377 г. мог быть совершен с санкции нового сарайского хана с целью переподчинения ему Болгарского владения, к тому времени, возможно, уже оказавшегося под управлением лишненного престола, а следовательно, и титула «хана», Мухаммеда-Буляка и «Болгарского князя» Асана. Причем в таком случае получается, что Москов-

* На самом деле, предшественник Туляка Мухаммед-Буляк, как отметил В. А. Кучкин, после 777 г. х. (2 июня 1375 г. — 20 мая 1376 г.), судя по монетам, уже не занимал ханский престол (см.: Кучкин В. А. Ханы Мамаевой Орды // Деяности лет Н. А. Баскакову [Электронный ресурс]).

ский великий князь в своих действиях в 1377 г. лишь копировал темника Мамая, в 1370 г. подчинившего Болгарское владение угодному себе хану¹⁰¹.

Имеется еще один нюанс исторических источников, позволяющий трактовать рассматриваемый вопрос в излагаемом русле. Дело в том, что в Рогожской летописи информация о хане Абдаллахе появляется в первый раз под 1361 г. (6869). Так как 6869 г. — мартовский¹⁰², это событие надо отнести ко времени между 1 марта 1361 г. и 28 февраля 1362 г. Но интересно, что в той же летописи спустя год, под 1362 г. (6870), в сообщении, посвященном сражению Мамай с ханом Мюридом (братом хана Хызыра), сказано: «Мамай привел с собою царевича»¹⁰³. Этим царевичем (султаном) мог быть только Абдаллах (Габдулла), который, согласно монетам с его именем, воцарился никак не позже марта — октября 1361 г.¹⁰⁴ Почему же русские летописи во втором случае не именуют Абдаллаха ханом? Что это — незнание русским летописцем реальной политической ситуации — судя по Рогожской летописи, она была им хорошо известна — или нечто другое, например, какой-то политический расчет, скажем, нежелание именовать хана Мамаевой Орды титулом «царь» (хан) из-за ориентации русских княжеств на другого хана? Последнее допустимо, и такая же ситуация могла иметь место также и в начале 1377 г.

Таким образом, когда В. А. Кучкин высказывался в пользу возможного отождествления Мухаммеда-Буляка с «Махмат Солтаном», а также задавался вопросом, а не располагалась ли Орда, в которой чеканил свои монеты этот правитель, в Болгарах или в пределах «прежний Волжской Булгарии»¹⁰⁵, он был близок к решению загадки этого хана. Тот действительно мог находиться в Болгарах. Следовательно, там же было и «стольное» место Мамаевой Орды. В формировании данного вывода имеет значение и уже указанное ранее надгробие Хасана б. Махмуда (Махмата = Мухаммата) с необычным титулом «эмир [и] султан», обозначающим, по-видимому, особое положение Мухаммеда-Буляка в выстроенной из «подручного материала» темником Мамаем в своей Орде властной иерархии.

Принимая во внимание весь комплекс рассмотренных данных, можно предположить, что Мухаммет-Буляк был из того же клана, что и Габдулла с Тюляком, являясь, возможно, их родственником. Тогда, если учесть надпись на надгробии (Хасан б. Махмуд/Мухаммад), и «Болгарский князь» Осан (Асан/Хасан) должен быть отнесен к числу представителей этого же «дома». Не исключено, что это был тот самый Хасан, который в 1365 г. в составе посольства во главе с Барамхозей, прибывшим для посажения в Нижегородском княжестве Бориса Константиновича, представлял «царицу»¹⁰⁶.

В таком случае получается, что на самом деле политический центр Мамаевой Орды довольно длительное время находился в г. Болгаре, а отнюдь не в самой кочевой части Орды. В данном плане показательно, что хан Тохтамыш, полноценно пришедший к власти в Улусе Джучи лишь после окончательной победы над Мамаем, в «Карасакпайской надписи» Тимура (1391 г.) по одному прочтению именуется «bulğar qanı», т. е. «булгарским ханом»*, тем самым еще раз подчеркивая «тронное» значение г. Болгара в этот период. Кро-

* Последнюю по времени интерпретацию чтения этой надписи в целом и того места, где Тохтамыш определен как «булгарский хан», см.: Григорьев А. П., Телицын Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — СПб., 2004. — Вып. 21. — С. 3-24. Более ранние чтения отечественных исследователей рассматриваемой надписи см.: Поппе Н. Н. Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. — Л., 1940. — Т. 2. — С. 185-189; Пономарев А. И. Поправки к чтению «надписи Тимура» // Советское Востоковедение. — М., Л., 1945. — Т. III. — С. 222-224. Кроме того, см.: Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабграфических источников (К вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — № 1. — 2008. — С. 146. Следует заметить, что предложенное выше чтение принимается не всеми исследователями. В частности, И. М. Миргалеев в личной беседе высказал мнение, что это место надписи надо читать как «tuğmaq qanı» (О трактовке им понятия «тукмак/тогмак» см.: Миргалеев И. М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. — Казань, 2007. — С. 15-16). Тем не менее обращает на себя внимание и пассаж В. Н. Татищева о «ханстве» Тохтамыша «на Воложском государстве... в Сарай и Болгарах» (см.: Татищев В. Н. История Российская. — М., Л., 1965. — Т. 5. — С. 152). Поэтому в связи с наблюдениями А. П. Григорьева и его соавторов, исходящими из письменных источников, освещающих установку этого памятного знака, а также учитывая приводимое ниже высказывание В. Н. Татищева, нам представляется более верной интерпретация надписи именно названных трех ученых, продолживших изыскания А. И. Пономарева.

ме того, у В. Н. Татищева встречается аналогичное определение «болгарским ханом» и Навруза (1359/1360 г.)¹⁰⁷. Хотя источники этого историка остаются неизвестными, можно полагать, что он опирался на какие-то не дошедшие до нас редакции русских летописей: у него при описании татарских «сюжетов» второй половины XIV — начала XV в. иногда встречаются такие детали, которые отсутствуют в других источниках. Таким же образом, как сообщает И. Шильтбергер, Едигей, прежде чем посадить на ордынский трон Булата, «вступил в Болгарию, которая также им была завоевана»¹⁰⁸. Вряд ли случайно

то, что практически все ханы, претендовавшие на сарайский престол в период с конца XIV в. и до второй половины 1430-х гг., чеканили свои монеты и в «Болгаре»¹⁰⁹, т. е. где-то с 1400/1401 г. фактически уже, скорее, в Болгаре ал-Джадиде, т. е. в Казани, явно остававшейся «тронным» местом, которым они стремились овладеть. И дело тут не в том, что Сарай был разрушен, он в XV в. еще продолжал существовать как значительный городской центр¹¹⁰. В данном случае, скорее, был важен доминирующий характер Болгарского владения, которым претендентам на «тахт иле» следовало овладеть.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. — Казань, 2005. — С. 6.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). — М., 1965. — Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. — С. 164.
3. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Указ. соч. — С. 12.
4. Исхаков Д. Князья казанские, князья болгарские // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2005. — № 2. — С. 164.
5. Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (К вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — № 1. — 2008. — С. 155.
6. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. — Алма-Ата, 1969. — С. 149.
7. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. — М., 2005. — Т. 1. — С. 194.
8. Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. — Казань, 2004. — С. 555-594.
9. Там же. — С. 578; Мустакимов И. Указ. соч. — С. 155.
10. Мустакимов И. Указ. соч. — С. 155.
11. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). — М., 2003. — С. 82.
12. ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. — С. 8; ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т. 5. Псковские и Софийские летописи. — Ч. V, VI. — С. 131, 263.
13. ПСРЛ. — М., Л., 1963. — Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). — С. 98.
14. Там же. — С. 264; ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — Ч. VII. — С. 95; ПСРЛ. — М., Л., 1962. — Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. — С. 102.
15. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. — Л., 1982. — С. 41, 84, 169.
16. ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — Ч. VII. — С. 114.
17. Мәржани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — Б. 151.
18. Исхаков Д. М. О родословной хана Улу-Мухаммеда // Тюркологический сборник /2001: Золотая Орда и ее наследие. — М., 2002. — С. 72.
19. Мәржани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали... — Б. 151; Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). — Казань, 2005. — Ч. 1. — С. 116.
20. ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т. 5. Псковские и Софийские летописи. — Ч. V, VI. — С. 258; ПСРЛ. — СПб., 1913. — Т. 18. Симеоновская летопись. — С. 54; ПСРЛ. — М., Л., 1962. — Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. — С. 97, 266; Гацицкий А. Нижегородский летописец. — Нижний Новгород, 1886. — С. 25.
21. ПСРЛ. — М., 1965. — Т. XV. Рогожский летописец. — С. 485.
22. ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. — С. 215.
23. ПСРЛ. — М., 2006. — Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. — С. 484.
24. Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. — М., 2004. — Кн. 4. — С. 153.
25. Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского... — С. 153.
26. ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. — С. 164.
27. Исхаков Д. Князья казанские, князья... — С. 168.

28. Там же.
29. ПСРЛ. – М., 1978. – Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. – С. 152.
30. Там же.
31. Горский А. А. Москва и Орда. – М., 2000. – С. 126.
32. Там же.
33. История Казахстана в персидских источниках. – Алма-Ата, 2006. – Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – С. 436.
34. Горский А. А. Москва и Орда... – С. 134.
35. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – С. 71-94.
36. Мустакимов И. Указ. соч. – С. 147.
37. Валиди Т. Ә-З. Башкорттарзың тарихы. Төрөк һәм татар тарихы. – Өфө, 1994. – Б. 25.
38. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков... – С. 43, 48.
39. Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. – М., 1983. – С. 120-125.
40. Там же. – С. 127.
41. Там же. – С. 125-126.
42. Гайворонский О. Повелители двух материков. – Киев – Бахчисарай, 2007. – Т. 1. Крымские ханы XV-XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – С. 14-15.
43. Мухамадиев А. Г. Указ. соч. – С. 122, 126.
44. История Казахстана в... – С. 400, 405, 437; Золотая Орда в источниках. – М., 2003. – Т. 1. Арабские и персидские сочинения. – С. 442.
45. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – С. 200.
46. Мухамадиев А. Г. Указ. соч. – С. 135.
47. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 12; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1. Рогожский летописец. – С. 92; ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – Ч. VII. – С. 15; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 30. Владимирский летописец. – С. 118.
48. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 12.
49. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1. Рогожский летописец. – С. 92; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 13.
50. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1. Рогожский летописец. – С. 116-117.
51. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 30. Владимирский летописец. – С. 122.
52. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1. Рогожский летописец. – С. 116-117; ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – Ч. VII. – С. 25; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – М., Л., 1950. – С. 401.
53. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 30. Владимирский летописец. – С. 122; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 25.
54. Исаков Д. Князя казанские, князя... – С. 169; ПСРЛ. – М., 2006. – Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – С. 85.
55. Мустакимов И. Указ. соч. – С. 142-157.
56. Pelensky J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438-1560 s.). – The Hague – Paris, 1974; Фахрутдинов Р. Г. Очерки истории Волжской Булгарии. – М., 1984. – С. 121, прим. 114; Измайлов И. Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы (очерк становления имперской идеологии) // Мирас. – 1992. – № 10. – С. 50-62.
57. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 12-13.
58. Там же. – С. 25.
59. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1. Рогожский летописец. – С. 116-117; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 30. Владимирский летописец. – С. 122.
60. Исаков Д. Князя казанские, князя... – С. 166.
61. Мустакимов И. Указ. соч. – С. 155.
62. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция... – С. 438.
63. Исаков Д. М., Измайлов И. Л. Указ. соч. – С. 7.
64. Мухамадиев А. Г. Указ. соч. – С. 118-135.
65. ПСРЛ. – М., 2006. – Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – С. 85.
66. Мустакимов И. Указ. соч. – С. 150.
67. Там же. – С. 144-150.
68. Ахметзянов М. И. Источниковедческий и лингвистический анализ татарских шеджере (по источникам XIX-XX вв.) – Казань, 1981. – С. 161; Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре. – Казань, 1995. – Б. 35.
69. Исаков Д. М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): клановая принадлежность и ее атрибуты // Этнологические исследования в Татарстане. – Казань, 2007. – Вып. 1. Материалы Итоговой конференции Института истории АН РТ, посвященной 10-летию Института. – С. 20.
70. Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре... – 35 б.
71. Түләк китабы // Әдәби мирас. – Казань, 1997. – 33 б.; Госманов М. Каурый каләм эзеннән. – Казань, 1994. – Б. 261-262.
72. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – М., 1998. – С. 208-211; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. – С. 125-126; Кучкин В. А. Ханы Мамаевой Орды // Девяносто лет Н. А. Баскакову. [Электронная версия].
73. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. – С. 211.

74. История Казахстана в... – С. 276.
75. Там же. – С. 289.
76. Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. – С. 110.
77. Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60-70-е годы XIV века. – Казань, 2008. – С. 74-75; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. – С. 113-117.
78. Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. – С. 112; Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. – Нижний Новгород, 2009. – Т. III. – Вып. IV. Нумизматический сборник. – С. 18-19.
79. Золотая Орда в источниках. – М., 2003. – Т. 1. Арабские и персидские сочинения. – С. 311.
80. Утемиш-хаджи. Чингыз-наме / Факсимиле, перев., транскр., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина. Коммен. и указ. М. Х. Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992. – С. 108-109, 113.
81. Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. – С. 133.
82. Түләк китабы // Әдәби мирас (дүртенче китап). – Казан, 1997. – Б. 15, 32; Госманов М. Каурый каләм эзеннән. – Казан, 1994. – Б. 237, 241, 259, 261; Түләк китабы. Дастан. – Казан, 2008. – Б. 22, 38, 40.
83. Госманов М. Курс. хез. – 237 б.
84. Түләк китабы // Әдәби мирас... – 33 б.; Түләк китабы. Дастан... – 40 б.; Госманов М. Курс. хез. – Б. 261-262.
85. Түләк китабы // Әдәби мирас... – Б. 15, 18, 23, 27, 30; Түләк китабы. Дастан... – Б. 28, 38; Госманов М. Курс. хез. – Б. 238, 241, 247, 258; Ivanics V., Usmanov M. A. Das Buch der Dschingis-Legende (Dəftər-i Cingiz-nāmə). – Szeged, 2002. – I. Vorwort, Einführungi, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles. – С. 35.
86. Исхаков Д. М. «Дом Чингиз-хана»... – С. 18-27; Дәфтәре Чыңгыз-намә. – Казан, 2000. – 7 б.
87. Түләк китабы. Дастан... – 40 б.; Түләк китабы // Әдәби мирас... – 32 б.; Госманов М. Курс. хез. – 260 б.
88. Түләк китабы. Дастан... – Б. 30-31, 33-34, 37, 40; Түләк китабы // Әдәби мирас... – Б. 25-26, 27-28, 30, 32, 33; Госманов М. Курс. хез. – Б. 250, 252-253, 258, 260, 262.
89. Дәфтәре Чыңгыз-намә... – 28 б.
90. ПСРЛ. – М., 2006. – Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – С. 106.
91. Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. – С. 126.
92. Кучкин В. А. Указ. соч.
93. Там же.
94. Там же. – С. 121.
95. Горский А. А. Москва и Орда... – С. 92.
96. Кучкин В. А. Указ. соч.
97. Там же.
98. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 25; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XV. – Вып. 1. Рогожский летописец. – С. 117; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 30. Владимирский летописец. – С. 122.
99. Горский А. А. Москва и Орда... – С. 89-92.
100. Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. – С. 130.
101. Горский А. А. Москва и Орда... – С. 93.
102. Кучкин В. А. Указ. соч.
103. ПСРЛ. – М., 2006. – Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – С. 70, 73.
104. Кучкин В. А. Указ. соч.
105. Там же. – С. 122.
106. ПСРЛ. – М., 2006. – Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – С. 4-5; ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 5.
107. Татищев В. Н. История Российская. – М., Л., 1965. – Т. 5. – С. 111.
108. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку, 1984. – С. 35.
109. Мухамадиев А. Г. Указ. соч. – С. 119-134.
110. Заходер Б. Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (к вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения Института Востоковедения. – М., 1955. – Вып. XIV. – С. 14-19; ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 24. Типографская летопись. – С. 191.

Дамир Исхаков,
доктор исторических наук,

